

Художественная система в отношении к сюжету и жанру*

В данной статье под художественной системой понимается *базовая, тексто- / сюжетопорождающая архетипическая система и генерируемые ею тексты, выстраивающиеся в смежные типологические ряды, а в целом – в некое общее типологическое направление*. Функционирование системы *охватывает весь национальный историко-литературный процесс, от момента появления первых оригинальных памятников до сегодняшнего дня* [2]. Совершенно ясно, что термин может быть представлен и множеством других значений. В аспекте данного понимания будет также предложено рассмотрение функционирования системы в отношении сюжета и жанра.

В. Я. Пропп в «Морфологии сказки» (1928) выстроил структурно-типологическую модель, которая является одновременно и сюжетной, и жанровой. Однако проблема осложняется тем обстоятельством, что существование *жанра* «волшебной сказки» можно легко оспорить и отнести ее не к жанру, а к жанровой *разновидности*. В этом случае придется утверждать, что есть такой объединяющий жанр — «сказка», и искать для всех ее типов общие признаки. Собственно, так и обстоит дело в фольклористике. В «Сравнительном указателе сюжетов» выделяются «сказки о животных», «собственно сказки» (подразделы «волшебные сказки», «легендарные сказки», «новеллистические сказки», «сказки об одуроченном черте»), «анекдоты» [7]. В качестве объединяющего признака всех сказок фольклористы называют установку повествования на вымысел. Данный критерий позволяет отличать «сказки» прежде всего от жанров «несказочной прозы», но не работает во множестве других случаев. Если же говорить об отношении сказки как художественной системы к сюжету, то здесь, как кажется, в принципе невозможно обрести почву под ногами, поскольку наличие универсальной системы не просматривается. В. Я. Пропп обнаружил и описал жесткую системность в сюжете «волшебной сказки», другим типам сказочных сюжетов эта системность

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

(последовательная реализация 31 функции) не присуща. Сюжетов сказки множество, они с трудом поддаются классификации и типологизации и в какой-то мере искусственно объединяются в рубриках названного указателя. С другой стороны, само его наличие — факт в крайней степени положительный, ибо, когда все пронумеровано и разложено по полочкам, это очень облегчает исследовательский труд. С данной позиции необычайно значима работа, которая в последние годы ведется в Институте филологии (г. Новосибирск) по созданию указателя литературных сюжетов. Думается, что его появление способствовало бы ускоренному развитию такой сложнейшей области, как аналитика текста.

Но вернемся к начальной проблеме. В нашем случае при попытке определения «жанра» мы попадаем в схожую ситуацию. Сюжет-архетип о Христе и Антихристе мы обозначаем как базовую, тексто- / сюжетопорождающую систему. К ней как к генетически исходной, в частности, восходят все разновидности жанра «жития». Именно *разновидности*, поскольку только они наличествуют в реальности, жанра же жития «вообще» нет и никогда не было (как нет и сказки «вообще» — в этом и прослеживается сходство; в целом ситуация типична для многих жанров). Постоянная ошибка пишущих о житии заключается в апелляции к несуществующему жанровому канону, в беспредметных утверждениях о его трансформации в сочинениях того или иного автора и т. п. Особенно часто это приходится наблюдать в работах, посвященных Житию протопопы Аввакума и произведениям писателей Нового времени. Конечно, можно попытаться создать некую обобщающую модель жанра жития, но это будет абстрактная конструкция, воплощающая опять же *общую идею imitatio Christi*. На конкретном же уровне мы всякий раз будем сталкиваться с агиографическим текстом, принадлежащим к тому или иному типу жития («мученического», «преподобнического», «юродивого», «равноапостольного», «святительского» и др.). Каждая жанровая разновидность имеет свой сюжет, воплощающий только ему присущий канон. Типовой образ неотрывен от типового сюжета, поэтому, знакомясь с агиобиографиями, мы не путаем юродивого с мучеником, преподобного с князем, столпника со святым равноапостольным и т. д.

Ситуация, когда *жанр равен сюжету* — как в той же «волшебной сказке» — наблюдается и в разновидностях жанра жития¹. В итоге тексты каждой жанровой разновидности выстраиваются в весьма внушительные

¹ Конечно, при этом не учитываются или особо оговариваются «шумы»: например, ошибки агиографа, механически объединившего в своем сочинении несовместимые

(в количественном и временном отношении) типологические ряды. Они открыты для включения новых сочинений. Наглядный пример представляет собой типологический ряд, состоящий из текстов, принадлежащих к жанру «жития-маририя». Отсчет произведениям данного жанрового типа можно вести в русской литературе с небольшого повествования о мучениках-варягах, принесенных в жертву языческим богам людьми князя Владимира (рассказ «Повести временных лет» под 983 г.), или же с сочинений борисоглебского цикла (описывающих события 1015–1019 гг.). Проблема же заключается в том, что данный типологический ряд невозможно завершить. В XXI в. в него войдут тысячи (!) житий святых новомучеников и исповедников российских, невинно убиенных в годы большевистских репрессий. На 1 января 2011 г. соборами РПЦ было канонизировано 1 774 новомученика [6]. В базе данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета число пострадавших за веру — более 34 тыс. человек (сведения на 2011 г.). Н. Е. Емельянов, профессор кафедры информатики названного университета, говорит о «сотнях тысяч пострадавших за Христа» [4] в XX столетии.

Конец прошлого века дал и образцы мученичества на войне. Девятнадцатилетний рядовой Евгений Родионов был убит 23 мая 1996 г. в чеченском плену за отказ снять крестик — отречься от христианской веры, перейти в ислам и остаться в живых. Он не канонизирован, но к сегодняшнему дню сложился разветвленный культ воина-мученика Евгения (и соответствующий корпус текстов), и хочется верить, что решение о канонизации будет принято.

Примеры можно множить. Парадокс заключается в том, что проблема мученичества / страстотерпчества (ключевая для национальной ментальности!) не разрешена и в более глубокой ретроспективе. «...сонм “новомучеников” XX века, пострадавших за веру при большевиках (более чем в два раза превышающий количество святых Древней Руси!), может показаться совершенно неожиданным. Если же в будущем мы примем в расчет (проведя соответствующую изыскательскую работу) мучеников и исповедников, пострадавших от церковно-государственного террора при Романовых либо за верность старым церковным обрядам, либо за “имяславию” — людей, ценивших вечную жизнь со Христом больше, чем временную жизнь, и дополним наш перечень и наш график соответствующими именами и цифрами, тогда, вероятно, не будет на графике такого

фрагменты из различных жанровых типов и даже других жанров, или же случаи реального совмещения разных типов подвига в жизни святого и т. п.

глубокого, как сейчас, провала, предшествующего “пику” XX столетия, и мы лучше поймем и историю России, и ее современность», — пишет Г. М. Прохоров [5, с. 83–84], предложивший схему, отражающую количество святых за восемь столетий русской истории. Таким образом, число официальных и неофициальных текстов, входящих в указанный типологический ряд (от времен начала царствования Романовых), в ближайшем будущем может увеличиться во взрывном порядке² (из опубликованного о новомучениках см.: [3]).

Затронутая тема имеет ряд других аспектов, которые также нельзя обойти вниманием. Структура жития-мartyрия может реализоваться в целой системе *разножанровых* произведений — на уровне «картины мира», в центре которой, в свою очередь, обнаруживается система сюжетов-жизнеописаний. Очевидные примеры — сочинения А. Курбского, протопопа Аввакума, авторов-старообрядцев XVII–XX столетий. Из этого вытекает, что понятие «картина мира» относится в сюжетологии к разряду ключевых.

Структура, аналогичная структуре жития-мartyрия, реализуется в «агиографических воинских повестях». И это еще один сюжетный типологический ряд. В новой литературе в него, в частности, встроены «Тарас Бульба» Гоголя [1, с. 51–60] и «Война и мир» Л. Толстого. И в целом встает проблема прочтения русского «воинского текста» в аспекте данной проблематики.

Приходится еще раз акцентировать то, что без анализа названных *сюжетных* структур не читается литературная классика Нового времени. «Художественная система» (уже как научная модель) призвана декодировать когда-то ею же порожденный и закодированный «сюжет». К какому столетию / периоду он относится, для системы имеет значение в аспекте его специфики — трансформации, выражения в нем индивидуальной физиономии автора и того, что называют духом времени.

Таким образом, доминирующими являются не отношения «художественная система — жанр», а отношения «художественная система — сюжет». Поэтому не кажется случайным тот факт, что в современном литературоведении интерес к сюжетологии явно превалирует над

² В связи с изложенным напрашиваются как минимум два очень интересных вопроса: есть ли основания заканчивать историю русской литературы XVII в.? И адекватна ли в принципе концепция истории отечественной литературы, изложенная во множестве программ и учебников, если она игнорирует очевидное единство тысячелетнего историко-литературного процесса?

интересом к изучению жанров. Стоит надеяться, что тотальное структурно-типологическое исследование национальной сюжетики поможет в будущем выйти и на новое качество понимания проблем, определяющих природу самых различных жанров.

1. *Васильев В. К.* Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в контексте средневековых представлений о воинском служении // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 9: Лирические и эпические сюжеты. Новосибирск, 2010.

2. *Васильев В. К.* Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков. Архетипы русской культуры: От Средневековья к Новому времени. Красноярск, 2009.

3. *Дамаскин (Орловский)*, игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1992–2002. Кн. 1–7.

4. *Емельянов Н. А.* Сколько репрессированных в России пострадали за Христа? [Электрон. ресурс]. URL: <http://primerov.org/fakty/183-skolko-repressirovannyh-v-rossii-postradali-za-hrista.html>

5. *Прохоров Г. М.* Святые в истории Руси X–XVII вв. // Тр. Отд. древнерус. лит. СПб., 2003. Т. 54.

6. Собор новомучеников и исповедников российских. День памяти — ближайшее воскресение после 07.02 н. ст. (25.01 ст. ст.) [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.vsetsaritsa.ru/dsQmodedsEarticlesdsAoptiondsEfulldsAsdsEndsAidsE5054.htm>

7. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.